

Миф 4: Весной 1945 г. ЭАПЦ была в Эстонии ликвидирована, а вместо нее была учреждена Эстонская епархия РПЦ, которая (см. миф 3)...

Из документов 1940–1941 гг. с очевидностью следует, что процессы воссоединения ЭАПЦ и Латвийской Православной Церкви с Московским Патриархатом проходили отнюдь не по одним лекалам и методичкам. Как, впрочем, и положение их отличалось. Если ЭАПЦ, усердием митр. Александра и его единомышленников была переведена в Константинопольский Патриархат еще в 1923 г., то ЛПЦ – лишь в 1936 г., два года спустя после убийства в 1934 г. ее предстоятеля, сщмч. архиепископа Иоанна (Поммерса), а Литовская епархия и вовсе никуда не переходила, но весь межвоенный период действовала в положении зарубежной епархии РПЦ, поэтому ее правящему архиерею – митр. Елевферию (Богоявленскому) – было поручено принимать в каноническое единение с Московским Патриархатом те православные приходы в Эстонии и Латвии, которые этого пожелают.

В отличие от главы ЛПЦ митр. Августина (Петерсонса), митр. Александр очень быстро понял, что если он в кратчайший срок не возьмет инициативу воссоединения ЭАПЦ с МП в свои руки, то утратит контроль над стихийно уже начавшимся процессом, «первой ласточкой» которого стал 40-мученический приход в Печорах. Отсюда и его действия.

Конечно, митр. Александр принял решение о возвращении в Московский Патриархат под давлением. Но под давлением *обстоятельств, а не людей.*

Весьма неровный процесс воссоединения ЭАПЦ с РПЦ 1940–1945 гг. нет оснований представлять, как *ликвидацию* ЭАПЦ Московским Патриархатом и *учреждение* новой религиозной организации. Это не было уничтожением досоветского учреждения и заменой советским, как происходило с другими государственными и общественными структурами в Эстонии. Из документов следует, что стороны воссоединения мыслили этот процесс не как ликвидацию, а как *преобразование* ЭАПЦ в более, как выразился митр. Сергей (Страгородский), «скромную» в плане наименования, структуры и статуса Эстонскую епархию (самостоятельная епархия – это первичная форма Поместной Церкви, поэтому изменение степени самостоятельности не меняет сущности), т.е., это был процесс возвращения к каноническому положению эстонского православия до получения автономии в 1920 г.

С началом немецко-фашистской оккупации, митр. Александр и последовавшие за ним эстонские, смешанные и некоторые русские приходы, а также монастыри вышли из подчинения руководству Московского Патриархата и образовали структуру, зарегистрированную немецкими властями как «Эстонская Апостольско-Православная Митрополия» (ЭАПМ; Ревельский генералкомиссар не позволил структуре митр. Александра называться «церковью»). Наибольшая часть русских приходов сохранила подчинение Московскому Патриархату.

В 1944 г. митр. Александр, 22 священнослужителя и примерно 5–7 тыс. мирян эвакуировались из Эстонии. Согласно подсчетам прот. Нигуля Хиндо, осенью 1944 г. Эстонию покинуло из священников – 16 эстонцев и 3 русских, из диаконов – 2 эстонца и 1 русский – всего 22 священнослужителя, однако, русское духовенство не осталось в эстонской диаспоре, но присоединилось к русским юрисдикциям.

Оставшиеся приходы ЭАПМ вернулись в состав Эстонской епархии. Распространенная версия, что в марте 1945 г. ЭАПЦ была ликвидирована, противоречит архивным документам, из которых следует, что ликвидирован был только, учрежденный во время немецко-фашистской оккупации, Синод ЭАПМ, тогда как ЭАПЦ, как сказано выше, была *не ликвидирована, а преобразована* в Эстонскую епархию. Точнее сказать, в марте 1945 г., по воссоединении разделенных во время войны частей эстонского православия, *было завершено преобразование* ЭАПЦ в Эстонскую епархию, начатое, но не оформленное окончательно в 1941 г.

А за рубежом, в рассеянии на трех континентах, из созданных там православными эстонцами приходов сформировалась *новая структура* – «ЭАПЦ в изгнании». Сначала митр. Александр и сопровождавшие его священнослужители оказались в лагере для беженцев в Омштеде под г. Ольденбургом, откуда они, с благословения своего архипастыря, расселились по разным странам, создавая в них и окормляя приходы эстонской диаспоры. Самому митр. Александру в 1947 г. было позволено поселиться в Швеции. Для управления разбросанными на трех континентах 17-ю приходами (в Швеции – 7, в США – 4, в Канаде – 3 и по одному в Германии, Великобритании и Австралии, митр. Александром 15.01.1948 г. был кооптирован временный Синод ЭАПЦ в изгнании, назначив его членов, что противоречило ст. 29 Устава ЭАПЦ 1935 г., согласно которому Синод избирается ее Собором. Это была необходимая организационная мера, чрезвычайная и вынужденная, а потому временная.

Чувствуя близкую кончину, митр. Александр, своим решением № 6 от 30.04.1953 г. (упоминается в ряде публикаций, как его завещание) прекратил полномочия «совещательного органа – временного Синода» и предоставил широкие организационные возможности прот. Александру Юриссону, назначив его полномочным администратором ЭАПЦ для управления ею в переходный период. По кончине митр. Александра, последовавшей 18.10.1953 г., разгорелся спор о том быть или не быть этому органу управления дальше. Попытки прот. А. Юриссона осуществить завещанные ему покойным митрополитом полномочия столкнулись с сопротивлением членов временного Синода, на заседании которого 27.10.1953 г. было решено «продолжить деятельность церковного управления и временно принять на себя административные обязанности главы Церкви», цинично проигнорировав последнюю волю своего покойного архипастыря. В свое оправдание они ссылались на ст. 16 Устава ЭАПЦ 1935 г., согласно которой

административные обязанности митрополита на время вдовства его кафедры, в случае отсутствия других епископов, автоматически переходят к Синоду. При этом узурпаторы упорно не замечали неприменимость к себе этой статьи Устава, из-за несоответствия способа получения ими полномочий вышеупомянутой статье 29-й того же Устава.

Однако их поддержал Патриарх Константинопольский Афинагор. Письмом от 03.12.1953 г. он уведомил Синод, что временно окормлять ЭАПЦ в изгнании будет его экзарх в Западной и Центральной Европе архиеп. Фиатирский Афинагор (Каввадас).

Вскоре, 13.02.1954 г. между Синодом и архиеп. Афинагором в лице его представителя архим. Иакова Вирваса был заключен договор, в котором Синод признавал архиеп. Афинагора временным местоблюстителем кафедры Предстоятеля ЭАПЦ, управлять которой предстоит на основании законов Эстонской Республики и Устава ЭАПЦ 1935 г. Это условие было незамедлительно нарушено, поскольку вместо того, чтобы, соответственно ст. 29 Устава ЭАПЦ 1935 г., созвать ее Собор и избрать новый состав Синода, архиеп. Афинагор, утвердив 08.03.1954 г. договор, тогда же утвердил и прежний состав, распущенного митр. Александром, временного Синода, сам войдя в него.

Следующий этап канонического становления эстонской православной диаспоры – это Собор ЭАПЦ в изгнании, состоявшийся 15.04.1956 г. в приходском храме г. Стокгольма, на котором был избран во епископа председатель Синода и благочинный шведских приходов прот. Юри Вяльбе. Собор проходил в гибридной форме: члены Синода и представители шести шведских приходов присутствовали физически, представители зарубежных приходов прислали свои избирательные бюллетени.

Примечательно, что прежде, чем утвердить соборное постановление, Патриарх Афинагор в письме от 05.06.1956 г. пожелал получить от Синода декларацию о согласии с условиями, на которых будет действовать ЭАПЦ в изгнании. Ни о каком сохранении автономии речи не шло.

Прежде, чем утвердить решения Собора от 15.04.1956 г., Константинопольский Патриарх должен был получить от Синода как правления ЭАПЦ в изгнании письменное обещание, что после рукоположения в ее статусе не произойдет никаких изменений. Синоду также надлежало заверить Патриарха Афинагора, что рукоположенный им епископ будет состоять в юрисдикции экзархата Западной и Центральной Европы (Фиатирской архиепископии) Константинопольского Патриархата, и все доклады Вселенскому Патриарху он будет подавать через вышеупомянутого архиеп. Афинагора (митр. Александр общался с Патриархами Константинопольскими напрямую). В конце письма Патриарх Афинагор утешал синодалов, что, если Бог вновь дарует Эстонии подлинную свободу, и

ее чада, находящиеся в изгнании, вернуться на родину, Вселенский Патриарх, исходя из новой ситуации, будет вправе издать указы и предпринять шаги, соответствующие благу Эстонской Православной Церкви.

Таким образом, начинается процесс канонического переоформления эстонской православной диаспоры, до этого сохранявшей (во главе со своим архиереем, затем его местоблюстителем) автономию, в новую, объединяющую все разбросанные по миру эстонские приходы, экстерриториальную епархию *в подчинении Патриаршего экзарха*.

Важно отметить, что, состоявшаяся 14.10.1956 г. архиерейская хиротония прот. Юри Вяльбе с нейтральным и, казалось бы, ни на что не претендующим титулом епископа Равеннского совершилась именно для Эстонской Церкви, в надежде ее восстановления. Если рассуждать в том же ключе, в котором воссоединение с РПЦ в 1941 и 1945 гг. рассматривается, как ликвидация ЭАПЦ и учреждение вместо нее в Эстонии новой структуры – Эстонской епархии РПЦ, то стоит заметить, что скорее уж учреждение новой эстонской епархии в экзархате Западной и Центральной Европы Константинопольского Патриархата с вышеупомянутыми ограничениями можно было бы рассматривать, как ликвидацию зарубежной части ЭАПЦ и создание вместо нее новообразованной объединяющей диаспору структуры. Но эта логика порочна. И в том, и в другом случае уместно говорить не о ликвидации церковных структур, а о их преобразовании, применительно к историческим, политическим и экономическим условиям. С той, впрочем, разницей, что, в отличие от Эстонской епархии, зарубежная часть ЭАПЦ жила в утешительной надежде возвращения когда-нибудь на деокупированную родину и восстановления своей Церкви в прежнем каноническом статусе, в перспективе чего призывалась прот. Нигулем Хиндо потерпеть временные неудобства внешних ограничений.

Об избрании и рукоположении в православной эстонской диаспоре нового епископа из своей среды было сообщено через эстонскую редакцию «Свободной Европы», через которую руководство ЭАПЦ в изгнании время от времени обращалось к православным эстонцам на родине, как, например, в послании 1958 г., в котором говорилось, что «ЭАПЦ в изгнании – часть борющегося эстонского народа, воля и стремление которого к свободе и восстановлению народной Церкви на Родине является приоритетной задачей».

Управление епископом Юри (Вяльбе) эстонской епархией в составе Константинопольского Патриархата продолжалось пять лет до его кончины 03.08.1961 г., после чего между зарубежной епархией эстонской диаспоры и архиеп. Афинагором (Каввадосом) был возобновлен, действовавший до хиротонии еп. Юри Вяльбе, договор о местоблюстительстве. После смерти архиеп. Афинагора в 1962 г., местоблюстителем Фиатирской Архиепископии стал его викарий, еп. Иаков (Вирвос), которому перешло попечение о эстонской епархии. В 1964 г. Фиатирскую и Великобританскую

Архиепископию возглавил митр. Афинагор (Коккинакис), унаследовавший и архипастырское окормление эстонской диаспоры.

Однако проблема рукоположения архиерея из своей среды для епархии эстонской диаспоры оставалась. Еще в 1968 г. Собор ЭАПЦ в изгнании избрал на ее кафедру благочинного приходов в США и Австралии протоиерея Сергия Самона. Это решение нашло поддержку у Северо- и Южноамериканского архиепископа Иакова (Вирвоса) и у Фиатирского и Великобританского Архиепископа Афинагора. Но тем дело и ограничилось. Совещание православных деятелей ЭАПЦ в Нью-Йорке 28.06.1970 г. пришло к выводу, что «архиерейская хиротония прот. Сергия Самона была потому отложена, что Константинопольский Патриархат в этом вопросе очевидно больше считается с Московским Патриархатом, чем с пожеланиями автономной ЭАПЦ».

Еще в 1963 г., с подачи секретаря Синода ЭАПЦ в изгнании свящ. Мартина Юхкама, развернулась дискуссия об учреждении в составе Константинопольского Патриархата экзархата Северных стран, территория которого охватывала бы Данию, Швецию, Норвегию и Финляндию. Предполагалось, что экзархом будет архиепископ Финляндской Православной Церкви. Но Константинопольский Патриархат лишь спустя семь лет, в 1970 г. создал Скандинавскую митрополию, в состав которой и, соответственно, под каноническое управление, в качестве местоблюстителя, митрополита Шведского и всея Скандинавии постановлением Св. Синода Константинопольского Патриархата от 11.11.1974 г., была переведена в том же епархиальном статусе и ЭАПЦ в изгнании.

Спустя 4 года в каноническом положении эстонской православной диаспоры происходит радикальное изменение. Сначала 13.04.1978 г. Патриархом Димитрием и Св. Синодом Константинопольской Церкви Томос Патриарха Мелетия 1923 г. был объявлен недействующим на том основании, что он изначально был обусловлен историческими обстоятельствами, а «ныне постоянное каноническое общение Святейшей Русской Церкви с этой своей областью (в Эстонии. – *И.П.*) восстановлено, так что она способна легко выполнять пастырское о ней попечение и заботу». Тем самым, как следует из письма Патриарха Константинопольского Димитрия от 03.05.1978 г. Митрополиту Скандинавскому Павлу, было прекращено окормление последним зарубежной епархии ЭАПЦ. Под его омофором оставалась лишь та часть диаспоры, которая находилась в пределах его митрополии. Все зарубежные эстонские приходы были переведены под омофоры архипастырей Константинопольского Патриархата по месту их нахождения. Как иллюстрация этого этапа в жизни эстонской православной диаспоры представляет интерес письмо митрополита Скандинавского Павла митрополиту Австралийскому Стилиану, в котором владыка Павел сообщает о прекращении окормления им ЭАПЦ, а стало быть, и эстонского прихода в Австралии, в связи с *отменой* Константинопольским Патриархатом Томоса 1923 г.

С момента расформирования этой канонической структуры, зарубежный Синод ЭАПЦ оставался своего рода координирующим центром православной эстонской диаспоры.

Оказавшиеся на чужбине православные эстонцы осознавали свою церковную структуру, объединявшую православные приходы эстонской диаспоры, как новообразованную организацию. Но при том, что в официально-организационном плане они приспосабливались к предлагаемым обстоятельствам, в церковно-каноническом отношении они себя сознавали, как уцелевшая даже не часть, а сама ЭАПЦ, до лучших времен эмигрировавшая в свободный мир, часть которой остается на родине под игом богоборческой оккупационной власти.

К своим собратьям, оставшимся в Советской Эстонии, эстонская православная диаспора относилась с сочувствием как едва выживающим в новой церковно-управленческой советской структуре – Эстонской епархии, якобы учрежденной Московским Патриархатом *вместо* «разрушенной» им ЭАПЦ. Как сформулировал это видение прот. Н. Хиндо, «единство нашей Церкви расколото – свободная часть Церкви скитается в изгнании с 1944 г., а ее несвободная часть находится на родине».

Описывая бедственное положение эстонского православия на родине, священники Мартин Юхам и Сергей Самон усматривали в недостатке священнослужительских кадров, а также в трудностях с получением эстонцами богословского образования и нехватке религиозной литературы на родном языке целенаправленную тенденцию «сто процентной русификации Эстонской епархии». Разумеется, это был ошибочный вывод: никакой русификации эстонское православие на родине не подвергалось, ничего подобного в церковной политике руководства РПЦ или местного священноначалия в помине не было.

Со стороны зарубежного Синода ЭАПЦ связь с братьями и сестрами во Христе, оставшимися в Эстонии, поддерживалась нерегулярно, эпизодически. Бывали обращения к православным в Эстонии через вещавшие на эстонском языке зарубежные радиостанции, покупались на пожертвования и переправлялись на родину книги религиозно-просветительного содержания на родном языке.

Личная переписка между находившимися по разные стороны государственной границы православными христианами, в т.ч. и священнослужителями, велась, но последними – с подставных адресов и анонимно (как, например, между протоиереями Сергием Самоном из Сан-Франциско и Николаем Бежаницким из Пярну). Об этом, на основании архивных материалов, сообщает, например, прот. Андрей Сычев.

Архиеп. Таллиннский и Эстонский Алексей (Ридигер), будучи самостоятельным и инициативным, стал рассылать свои архипастырские рождественские и пасхальные послания, а также богослужебные календари на эстонском языке по всем приходам эстонской православной диаспоры, что не вызывало протестов, хотя, по-прежнему, контакты установить не удавалось.